

DOI 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-68-89

УДК 39(=511.1)

И. В. Стасюк

Институт истории материальной культуры РАН
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 Центр палеоэтнологических исследований
 Москва; Санкт-Петербург, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0003-2507-2572
 E-mail: norroendreng@mail.ru

Происхождение и ранняя история воды: старые дискуссии и новые находки

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы формирования воды — коренного малочисленного народа Северо-Запада России. Анализируется российская, советская, эстонская и финская историография, выделены основные положения дискуссии о происхождении и расселении воды в железном веке и Средневековье. Достоверно водскими археологическими памятниками XIII–XVIII вв. следует считать грунтовые могильники типа Валговицы, Великоино, Вердия в нижнем Полужье. Оставившее их население является непосредственными предками этнографической воды XVIII–XIX вв. До XIII в., до формирования этого горизонта древностей, погребальные памятники воды и части восточных эстов представлены могильниками с сожжениями и труположениями типа Залахтове — Ратчино. Они однотипны на большой территории северо-востока Эстонии, гдовского Причудья, Ижорского плато и в X–XII вв. образуют единое культурное пространство. На этом этапе разделить археологические древности предков воды и северо-восточных эстов не удастся. О родстве прибалтийско-финского населения в этом ареале свидетельствуют данные молекулярной генетики. Решающими факторами обособления предков воды от иных групп северо-восточных эстов стали древнерусская колонизация Ижорского плато и северо-восточного Причудья, крестоносное завоевание Эстонии и формирование Нарвского рубежа. На основании данных археологии и молекулярной генетики сделан вывод о вхождении в древневодский ареал территорий нижнего Полужья и Ижорского плато. Дискуссионным остается вопрос о существовании южной племенной группировки воды в гдовском Причудье. Убедительных доказательств ее реальности не обнаруживается.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вода, прибалтийско-финские народы, Северо-Запад России, Новгородская земля, археологические источники, историческая этнография, материальная культура, погребальный обряд

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Стасюк И. В. Происхождение и ранняя история воды: старые дискуссии и новые находки. *Этнография*. 2023. 3 (21): 68–89. doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-68-89

I. Stasyuk

Institute for the History of Material Culture
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
Center of the Paleoethnological Researches
Moscow, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2507-2572
E-mail: norroendreng@mail.ru

The Origin and the Early History of Vad'd'a People: Old Discussions and New Finds

ABSTRACT. The article discusses controversial issues of the genesis of Vadja, the indigenous people in northwest Russia. It analyzes the Russian, Soviet, Estonian, and Finnish historiographies on the origins and settlement of the Vadja in the Iron Age and the Middle Ages. Archaeological sites of the 13th–18th centuries, such as Valgovitsy, Velikino, and Verdia in the lower Luga were confirmed as undoubtedly Votic burial grounds. The population who left them are direct ancestors of the ethnographic Votians of the 18th–19th centuries. Before the 13th century and the formation of this antiquity horizon, the burial grounds with cremations and inhumations of Zalakhtovye — Ratchino type were the main funeral monuments of the Votians and parts of the eastern Ests. All the monuments of the 10th–12th centuries from the large territory of northeastern Estonia, the Gdov region, and the Izhora plateau are similar in their type and form a unified cultural province. It is impossible to separate the archaeological antiquities of the ancestors of the Vod' people from those of northeastern Estonians. Molecular genetic data testify to the kinship of the Baltic-Finnish population in this area. The decisive factors that separated the Voda ancestors from other groups of northeastern Estonians were the Old Russian colonization of the Izhora Plateau and the northeastern Prychudy, the Crusader conquest of Estonia, and the formation of the Narva frontier. Based on archeology and molecular genetics data, the author concludes that the lower Luga and Izhora plateau territories belong to the ancient Votic area. Whether the southern tribal grouping of the Vodo in the Gdov Prichudye ever existed remains debatable. There is no convincing evidence to support its reality.

KEY WORDS: Votians, Baltic-Finnish peoples, Northwestern of Russia, Novgorod land, archaeological sources, historical ethnography, material culture, burial rite

FOR CITATION: Stasyuk I.
The Origin and the Early History of Vad'd'a
People: Old Discussions and New Finds.
Etnografija. 2023. 3 (21): 68–89. (In Russian).
doi 10.31250/2618-8600-2023-3(21)-68-89

К 75-летию со дня рождения
Евгения Александровича Рябинина.
19 мая 2023 года

ВВЕДЕНИЕ

В конце XVIII в. внимание исследователей привлекла небольшая народность на крайнем западе Петербургской губернии, на южном побережье Финского залива в округе Котлов и Копорья (Trefurt 1783; 1785; Orík 1970; Конькова 2009: 48). Она обладала яркой архаичной материальной культурой и была известна среди окружающего населения как «чудь» или «чудья», но имела и собственный этноним — «вадья». А. Х. Лерберг (1819) и А. М. Шёгрэн (1833) соотнесли его с водью из средневековых источников. Отмечена близость языка води и северо-восточных эстонцев, а в самом водском языке выделялись два или даже три диалекта, что наводило на мысль о ее значительно более широком расселении в древности. Еще одним аргументом в пользу того, что этнографическая водь XVIII–XIX вв. была лишь малым осколком некогда многочисленного народа, занимавшего обширную территорию, были границы Водской пятины, зафиксированные писцовыми книгами XVI в. Н. П. Барсов (1873: 40) предположил, что «первоначально это племя было гораздо распространеннее, чем теперь... поселения води простирались от Финского побережья и Наровы на юг до Ильменя и за Ильмень, на восток ко Мсте».

К. А. Неволин возразил, отметив, что названия новгородским пятинам давались по их крайним, наиболее удаленным от Новгорода точкам. В частности, Водская пятина получила свое название «от народа води, жившего в одной из северо-западных ее оконечностей» (Неволин 1853: 53–54). А. А. Спицын, ссылаясь на мнение С. Ф. Платонова и топонимические изыскания Д. Э. Европеуса, также полагал, что название Водской пятины, по аналогии с пятинами Обонежской и Бежецкой, показывает, что водь жила лишь на ее окраине. По его мнению, водь «всегда была очень небольшим племенем», а «Водская земля в истории Новгорода всегда имела лишь значение конца и никогда не выступает в сильной роли» (Спицын 1896: 37, 48).

Хотя первые письменные свидетельства о води относятся к XI–XIII вв., а весь корпус средневековых сведений о ней довольно обширен (Кёппен 1851, 1861; Селарт 2009), их краткость оставляет большой простор для толкований и гипотез. Уже в XIX в. стало очевидно, что прояснить вопросы происхождения и ранней истории води на основании одних лишь письменных источников невозможно. Важную роль здесь будет играть археология.

АРХЕОЛОГИ В ПОИСКАХ ВОДСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Начало систематических раскопок в западных уездах Петербургской губернии связано с именем Л. К. Ивановского. В 1872–1891 гг. он

раскопал здесь около шести тысяч средневековых курганов и жальников. Столь массовые раскопки не могли быть обеспечены надлежащим уровнем полевой фиксации, поэтому устройство погребальных сооружений, нюансы обряда, топография памятников не были документированы. Сам Л. К. Ивановский, практикующий врач, был увлеченным раскопщиком, однако никакой аналитики, за исключением пары заметок отчетного характера, не опубликовал. После смерти исследователя коллекция его находок поступила для изучения к А. А. Спицыну, который первым предложил и логически обосновал критерии для идентификации водских древностей. Он рассуждал так: если води — финское племя, если она находилась с раннего времени под новгородским влиянием и если она занимала лишь небольшой район, то ее древности должны быть найдены в округе Котлов, в Нижнем Полужье, в этнографической области расселения води, за пределами основного ареала курганов, исследованных Л. К. Ивановским. По типам предметов они должны быть близки эми или эстам и могут содержать некоторые заимствования из русских древностей (Спицын 1896: 49).

Публикуя курганные материалы Л. К. Ивановского, А. А. Спицын, по его собственному выражению, «без большого колебания» отнес их к древнерусским. Однако в тексте работы колебания все же присутствуют. Он пишет: «Исследуемые курганы вполне могут принадлежать народности русской. Но они могут принадлежать и води, так как это племя, вошедшее с раннего времени в состав новгородских владений, могло заимствовать у новгородцев целиком и вещи, и обряд погребения». И ниже: «Курганы, раскопанные Л. К. Ивановским в Водской пятине, должны быть зачтены в число древнерусских. Есть ли среди них насыпи с погребениями води и в какой мере, это должно выясниться при дальнейших раскопках, а также, быть может, путем антропологических изысканий» (Спицын 1896: 36–37).

А. А. Спицыну вторит его ученик и сотрудник Н. К. Рерих:

Отличие водских курганов от новгородских либо вовсе не будет заметно, либо выразится в незначительных деталях, обнаружить которые может только самая тщательная и осмотрительная раскопка, отнюдь не количественная, но качественная... Разница будет видна на предметах; весьма вероятно, что, кроме насыпей, найдены будут и какие-либо грунтовые погребения... [в них] мы увидим ритуал оригинальный водский, без славянского влияния (Рерих 1900: 114).

А. А. Спицын обратил внимание на два курганных могильника — Мануйлово и Войносолово, которые заметно выделялись на общем фоне раскопанных Л. К. Ивановским курганов своим вещевым набором, «заимствованным у эстов». Именно их исследователь считал водскими. При этом курганы в Унатицах, в том же ареале и с очень близким набором вещей, он назвал погребениями эстов. Вообще в работе

1896 г. А. А. Спицын хотя и назвал соответствующую главу «Древности води», но по тексту ее не раз высказывает сомнения, принадлежат ли рассматриваемые памятники чуди (то есть эстам) или собственно води. Его смущал летописный рассказ 1240 г., где указано, что в округе Копорья фигурируют оба эти народа.

Спустя несколько лет мануйловские курганы исследовал В. Н. Глазов. А. А. Спицын опубликовал его материалы и уже безо всяких оговорок заключил, что они «должны быть приписаны чуди, под которой следует понимать эстов, переселившихся в Водскую землю из-за Наровы» (Спицын 1905).

На рубеже XIX–XX вв. стало очевидно, что курганы крайнего северо-запада Новгородской земли неоднородны. Среди обширного массива древнерусских некрополей выделяются отдельные, довольно немногочисленные памятники, вещевой набор которых (прежде всего металлические украшения и детали костюма) имеет выраженный эстонский облик. Это Мануйлово, Войносолово, Унатицы на Ижорском плато, Залахтовье и Городище близ Гдова в северо-восточном Причудье.

К поиску водских древностей обращались археологи Эстонии и Финляндии. Й. Р. Аспелин частично опубликовал материалы Л. К. Ивановского в своем атласе «Древности финно-угорского севера» (1878), выделив «Древности Ингрии» в отдельную главу. Материалы различных народов в ней он не разделял. Это сделал его ученик и продолжатель А. М. Тальгрэн. Он полагал, что, хотя культура железного века Ингерманландии ориентирована на Новгород, подоснова ее иная (Tallgren 1928: 20–22). Согласно ему, северную границу водской территории образывала линия Копорье — Красное Село, восточную — линия Красное Село — Гатчина; охватывая, таким образом, всю Ижорскую возвышенность, на юг эта область простиралась до реки Луги и по рекам Долгой и Плюссе до района Гдова. На запад эта единая культурная провинция продолжается в Эстонии, к Нарве и приходам Иисаку и Кодавере, охватывает северное и западное Причудье. А. М. Тальгрэн заключает:

Весь этот сравнительно однородный культурный ареал с похожими могилами, украшениями и национальной одеждой в то время был водским. Его крайний западный отрог за Нарвой был впоследствии эстонизирован, возможно, уже в Средние века, а его площадь на востоке сократилась вследствие русско-шведских войн, религиозных преследований православных вожан и финского заселения в шведскую эпоху, Черной смерти, голодных лет и т. д., так что от водского народа, который образовался в результате расселения эстонцев в доисторическую эпоху, осталось всего несколько сотен человек между сельской местностью Каттила и устьем реки Луга (Tallgren 1938: 101).

Первую попытку выделить памятники води к западу от Нарвы и Псковско-Чудского водоема предпринял Х. Моора (1929). Он исходил

из того, что средневековые курганы и жальники северо-востока Эстонии отличаются от типичных каменных могильников эстов того же периода, но «демонстрируют поразительное сходство с водскими могилами и находками, опубликованными А. Спицыным». Правда, сходство это было справедливо не столько в отношении мануйловских и войнословских курганов, сколько в отношении основного массива курганов Ижорского плато, которые сам А. А. Спицын считал древнерусскими. Рассмотрев подробно находки украшений из нескольких курганных групп XI–XIV вв. в Тартумаа и Вирумаа, Х. Морра заключил: «...не может быть никаких сомнений в том, что в железном веке на северо-востоке Эстонии мы имеем дело с потоком водской культуры, который ощущается еще в первые века существования Ордена» (Моога 1929: 281).

Таким образом, А. М. Тальгрэн и Х. Моора не приняли выводы А. А. Спицына о древнерусской принадлежности курганов Ижорского плато и северо-восточного Причудья и считали их целиком водскими. Эта позиция была поддержана П. Н. Третьяковым. Он критиковал А. А. Спицына как носителя «славянской точки зрения», который, «вопреки мнению финских археологов», стремился «чуть ли не полностью исключить финно-угров из состава населения... свести их роль до минимума»¹ (Третьяков 1970: 118–119). Согласно его взглядам, водь в раннем Средневековье занимала весь ареал между озерами Чудским и Ильмень, простиравшийся к северу до Финского залива, не занятый сопками и длинными курганами. Она или близкородственные ей племена «должны были обитать в древности и много южнее... в бассейнах рек Великой и Ловати». Правда, сам же исследователь замечает, что «к сожалению, в этих местах до сих пор не обнаружено археологических памятников, которые было бы возможно связать с древними финно-уграми» (Третьяков 1970: 147).

В 1950-е гг. к поиску водских древностей обратился В. В. Седов. В находках Л. К. Ивановского и В. Н. Глазова он выделил две группы инвентарей, атрибутированных в качестве этнокультурных индикаторов славян и води. К признакам водских курганов он отнес обряд погребения в сидячем положении, наличие многобусинных височных колец, украшений из раковин каури, полые шумящие подвески-уточки, булавки с лопастным навершием, славянских — ромбоцитковые височные кольца, привески-лунницы, рубчатые перстни и др. Исследователь разделил курганно-жальничные могильники северо-западной части Новгородской земли на «славянские», «водские» и смешанные «славяно-водские». Водские, согласно его выводам, занимали Ижорское плато и среднее течение Плюссы, располагаясь чересполосно со славянскими (Седов 1953). Археологические выкладки подкреплялись краниологическим анализом курганных серий (Седов 1952). В. В. Седов создал влиятельную концепцию заселения северо-запада Новгородской земли славянами и водью,

¹ Эту критику трудно признать справедливой, см.: (Платонова 2010: 109).

повторенную в статьях 1980-х гг. (Седов 1984, 1987). Хотя методы его работы впоследствии неоднократно критиковались (см.: Носов 1982: 74–76), следует отметить, что она стала первым примером междисциплинарного подхода к проблеме.

Дальнейшие исследования показали, что выделенные В. В. Седовым «этноиндикаторы» таковыми не являются. Смена ромбошитковых колец многобусинными отражает хронологические изменения в составе женского убора Новгородской земли (Кольчатов 1984: 175–176; Лесман 1990), а прочие типы имеют исключительно широкое распространение, должны рассматриваться в общем контексте древнерусской культуры и прямого отношения к воде не имеют (Рябинин 2001: 109–110; Конькова 2001: 210; Хвощинская 2009; Павлова 2012). Из всех избранных В. В. Седовым типов украшений индикатором материальной культуры западной группы прибалтийских финнов могут быть признаны лишь одежные булавки с лопастным навершием — характерная деталь женского костюма средневековых эстов, не воспринятая древнерусской культурой. Отметим, что курганный могильник Залахтовье в восточном Причудье В. В. Седов относил к памятникам воды на основании находки серии таких булавок.

Работы В. В. Седова 1950-х гг. нашли отклик в совместной статье Харри и Алиисе Моора (1965), которые предложили концепцию трех водских племен — южного, северо-западного и северо-восточного, занимавших в I тыс. н. э. территории соответственно северо-восточного Причудья, западных скатов Ижорского плато с нижним Полужьем и центральной части Ижорского плато.

В 1980-е гг. на северо-востоке Эстонии работал археолог П. Лиги. В северном Причудье и Принаровье он исследовал курганные и жальничные могильники, которые, как и Х. Моора, считал водскими, хотя и отмечал, что они имели много черт древнерусской культуры. Его значительным достижением стало открытие кремационных погребений эпохи викингов (Лиги 1992). В диссертации (1987) он отрицал наличие аналогий таким погребениям восточнее Чудского озера, но в итоговой публикации (1993) все же отметил их сходство с могильником Залахтовье.

Взгляды П. Лиги окончательно оформились уже после защиты диссертации, в конце 1980-х — начале 1990-х, то есть в период возвращения Эстонией независимости. Он полностью отверг прежние построения археологов, базировавшиеся на идее «славянской колонизации» Новгородской земли, которую считал «типичным примером национального романтизма в археологии, основанным исключительно на позднейшей лингвистической ситуации» (Ligi 1993: 174–175). Он полагал, что в действительности весь массив курганов не только на Ижорском плато, в Причудье и Принаровье, но и на всем новгородском северо-западе (включая длинные курганы и сопки) оставлен автохтонной водью и родственными ей финноязычными группами, перенявшими древнерусскую

культуру под влиянием городов Новгорода и Пскова². В этой радикальной «фенноманской» позиции (Fewster 2006) без сомнения ощущается политический и идейный контекст эпохи. Однако ошибкой было бы воспринимать П. Лиги как представителя этноромантизма — он был его последовательным критиком, склонным к рефлексии, теоретическому осмыслению истории науки и ее методологических основ (Konsa 2006: 46). Ему принадлежит определение периода эстонской археологии 1920–1930-х гг. как «национал-романтического» (Ligi 1995: 262). Можно лишь предполагать, как эволюционировали бы его взгляды на водскую проблематику. К сожалению, жизнь этого молодого и талантливого исследователя трагически оборвалась 28 сентября 1994 г. в Балтийском море при катастрофе парома «Эстония». После П. Лиги тема водских древностей на территории Эстонии не имела системного продолжения, хотя регулярно затрагивается в обзорных работах.

Важнейшей вехой в изучении средневековой води стали работы Е. А. Рябинина. В 1980-е гг. он нашел и исследовал грунтовые могильники XIII–XVII вв. при водских деревнях Валговицы, Великоино, Вердии на западе Ленинградской области, то есть в предсказанном еще А. А. Спицыным и Н. К. Рерихом ареале — в округе Котлов, к западу от Ижорской возвышенности. Грунтовые могилы содержали труположения с весьма своеобразным набором украшений и элементов костюма, для которого прослеживалась трансформация от средневекового до этнографического водского женского убора (Рябинин 1994, 1997). Сам Е. А. Рябинин открытые им могильники называл «чудскими», однако уже в первых публикациях он подчеркивал, что историческая судьба этого населения вполне очевидна: оно является предковым для этнографической водской народности (Рябинин 1992, 1994: 24, 1997: 44). Таким образом, спустя сто лет с начала систематических археологических работ в западной Ингерманландии впервые были найдены и на хорошем методическом уровне раскопаны средневековые захоронения, которые уже безо всяких оговорок были идентифицированы как водские.

Сам Е. А. Рябинин в публикациях допускал смешение этнонимов «чудь» и «водь» в отношении этих памятников. Он следовал тексту писцовых книг XV–XVI вв., именующих населенные водью погосты «в чуди», а также источникам Нового времени, фиксирующим синонимичность этих названий. Однако установлено, что в древнерусских летописях чудь — это почти исключительно эсты (Хвошинская 2009: 301). Е. А. Рябинин, обращаясь к летописным сообщениям, фиксирующим в 1240-х гг. в округе Копорья «водь», «вожан», «чудь» и «чудцу», предложил следующую схему их соотношения, основанную на высказанном

² Схожие идеи присутствуют в работах Г. С. Лебедева, который тоже полагал, что сопки и длинные курганы принадлежат дославянскому «чудскому» населению (Лебедев 1977). Но они имеют иной источник. Согласно взглядам И. И. Ляпушкина, оказавшим большое влияние на археологов-славистов того периода, достоверными ранними славянскими памятниками являлись небольшие круглые курганы с сожжениями; соответственно прочие попадали в категорию неславянских.

еще А. А. Спицыным предположении, что летописные «вожане» XIII–XIV вв. — это сугубо географическое обозначение населения Водской земли. Согласно Е. А. Рябинину, ведь, в поздних источниках называемую также чюдью, чудцой, следует считать прибалтийско-финским населением, оставившим памятники типа Валговицы и Великино в нижнем Полужье. Под вожанами же следует понимать смешанное славяно-финское население Ижорского плато, археологическими памятниками которого являются курганы и жальники.

Их Е. А. Рябинин также исследовал и монографически опубликовал (2001). В округе Копорья им раскопано более 220 захоронений. Как и предполагали когда-то А. А. Спицын и Н. К. Рерих, массив курганов оказался неоднородным. Благодаря «раскопке отнюдь не количественной, но качественной» выяснилось, что само появление курганного обряда стало результатом древнерусской колонизации, и в этом смысле «петербургские» и «гдовские» курганы действительно являются частью древнерусского культурного пространства. Но в этот колонизационный поток были вовлечены и представители автохтонного прибалтийско-финского населения, населявшего край до прихода славян. Часть их восприняла от пришельцев курганный обряд погребения, привнеся в него свои особенности: восточную ориентировку погребенных, помещение в погребения орудий труда, в том числе ритуально испорченных, использование металлических элементов в декоре женской одежды, нашивных спиралек, использование традиционных категорий прибалтийско-финских украшений — нагрудных булавок и цепочек с цепедержателями, спиральных браслетов-наручей (Рябинин 1997: 54–59).

Е. А. Рябинин полагал, что формирование культуры средневекового населения Ижорской возвышенности и гдовского Причудья, с одной стороны, и на Нижней Луге — с другой, несмотря на общую культурную подоснову, во II тыс. шло различными путями. Он писал:

Ядро водской племенной территории... охватывало в основном Ижорскую возвышенность. В первой половине II тыс. н. э. на Ижорском плато и сопредельной территории северо-восточного Причудья распространяются многочисленные курганно-жальничные могильники, прямо или опосредованно связанные с древнерусской колонизацией этих территорий. К западу и северо-западу от возвышенности, за пределами основного курганного ареала, сложились условия для формирования современной водской народности (Рябинин 1990: 191–192).

Этнокультурную ситуацию на Ижорском плато Е. А. Рябинин реконструировал по материалам Бегуницкого курганного могильника, характеризующегося смешением черт общерусской и прибалтийско-финской культур. На рубеже XI–XII вв. здесь появляются первые курганы, под которыми совершены захоронения с необычной для славян восточной ориентировкой и с предметами прибалтийско-финского

и общебалтийского происхождения. В середине — третьей четверти XII в. начинают сооружаться насыпи с захоронениями, имеющими западную ориентировку и сопровождающимися исключительно вещами древнерусских типов. Они образуют компактную и территориально обособленную группу в восточной части некрополя. На протяжении второй половины XII–XIII в. наблюдается процесс культурной интеграции обитателей двухобщинного поселка, выражающийся в повсеместном распространении новгородских форм изделий и резком уменьшении «субстратных» элементов. Но финно-угорские насельники продолжали сохранять некоторые старые традиции погребальной обрядности. Захоронения с восточной ориентировкой совершались еще в первой половине XIII в. На фоне активной нивелировки культурных различий элементы ритуальной практики выступают как значительно более стойкие, консервативные по сравнению с миром вещей (Рябинин 2001: 105–106).

Е. А. Рябинин не отождествлял финно-угорскую популяцию Бегуниц напрямую с водью. Он отмечал, что по своим культурным особенностям она значительно отличается от средневекового населения в этнографической зоне води, но демонстрирует черты сходства с курганными могильниками Мануйлово и Войносолово, а также с могильником Залахтовые на восточном побережье Чудского озера. «В целом, — пишет Е. А. Рябинин, — не вызывает сомнения родство неславянской части обитателей средневековых Бегуниц с населением Юго-Восточной Прибалтики. Очевидно также, что появлению ранних захоронений этой группы на Ижорском плато предшествовал период ее непосредственных контактов с носителями курганной культуры» (Рябинин 2001: 106).

В Валговицах и Великино в составе средневековых некрополей были открыты каменные могильники раннего железного века. К вопросу о преемственности памятников разных эпох и роли носителей культуры каменных могильников в формировании води Е. А. Рябинин подходил со свойственной ему осторожностью, обращая внимание на отсутствие промежуточных хронологических пластов древностей (ср.: Рябинин 1994: 28). Но очевидно, что сам он склонялся к выводу о том, что население в этом компактном нижнелужском ареале сохраняло преемственность. Одну из последних статей Е. А. Рябинин неслучайно озаглавил «У истоков этнической истории води» (2004).

К сожалению, разработка водской темы осталась незавершенной. Е. А. Рябинин задумывал монографическую публикацию могильников Валговицы, Вердия, Великино и даже предлагал название для монографии: «Чудь Водской пятины». Но болезнь и безвременная кончина прервали начатую работу. В результате этот материал лишь частично опубликован в статьях и очерках, однако системного анализа всей группы древностей до сих пор не проведено, не разработана их хронология. Сам Е. А. Рябинин отметил сложность их датировки и предложил лишь общие хронологические рамки для могильников от XII–XIII до XVIII в.

Отсутствие полной публикации и надежной хронологии является существенным препятствием к осмыслению водских древностей.

Следующим важным этапом историографии стала статья Н. В. Хвоцинской «Племя води и его культура в составе Новгородской земли» (2009). Она резюмирует столетнюю дискуссию между сторонниками «большой» и «малой» води, сосредоточившись на критике идеи Х. и А. Моора о трех водских племенах. Согласно Н. В. Хвоцинской, для их выделения «не находится никаких археологических и исторических оснований», а в ареал води не входили ни Ижорское плато, где «до рубежа XI–XII вв. — начала древнерусской колонизации... постоянное население просто отсутствовало» (Хвоцинская 2009: 306), ни северо-восточное Причудье, где присутствие води не фиксируется ни археологическими, ни письменными источниками. Курганное население Ижорского плато Н. В. Хвоцинская однозначно определила как древнерусское и очертила конкретный, весьма компактный исторический ареал, в котором проживала водская народность и где сосредоточены ее археологические древности (рис. 1). Он охватывал территорию Понаровья, Нарвско-Лужского междуречья и южного побережья Финского залива в районе Кургальского и Сойкинского полуостровов, Лужской и Копорской губ. Южная граница расселения води проходила по краю Ижорской возвышенности, а центрами этнографического района, занятого ею, были Копорье и Котлы. Детали костюма из Валговиц, Великино и Вердии, имеющие параллели в водской этнографии, позволили Н. В. Хвоцинской заключить, что «эти три могильника дают нам представление об облике и особенностях культуры древней води в ее наиболее “чистом” виде... эта группа населения смогла сохранить свою самобытность длительное время». Она подчеркивает, что эти грунтовые могильники лежат вне зоны распространения курганной культуры; «весь массив курганов северо-восточного Причудья и Ижорского плато появился в период древнерусской сельской колонизации второй половины XI–XII вв., а не как результат изменения обряда у местных финнов» (Хвоцинская 2009: 311–312). Здесь, однако, усматривается противоречие с выводами самой же Н. В. Хвоцинской относительно могильника Залахтовье в Причудье — памятника эстов X–XII в., в котором значительная часть погребальных сооружений представлена именно курганами (Хвоцинская 2004)³.

³ Эта статья уже была сдана в печать, когда Н. В. Хвоцинская опубликовала новую работу «Этногенез и историческая судьба води» (2023). В ней развиты идеи, высказанные в статье 2009 г., акцент сделан на открытиях последних лет. Н. В. Хвоцинская полагает, что памятники X–XII вв. типа Мануйлово, Ратчино, Ополе на Ижорском плато, как и Залахтовье в восточном Причудье, принадлежат эстам (с. 215). Я же исхожу из того, что при современном состоянии источника для периода до XIII в. надежно различить древности восточных эстов и води невозможно, т. к. их материальная культура близка до идентичности. Н. В. Хвоцинская утверждает, что до XII в. «земли Ижорского плато пустовали» (с. 207). Это справедливо лишь в отношении наиболее засушливой центральной части. Находки последних лет свидетельствуют об активном освоении «зоны родников» на севере, западе и юге Ижорской возвышенности уже в I тыс. н. э.

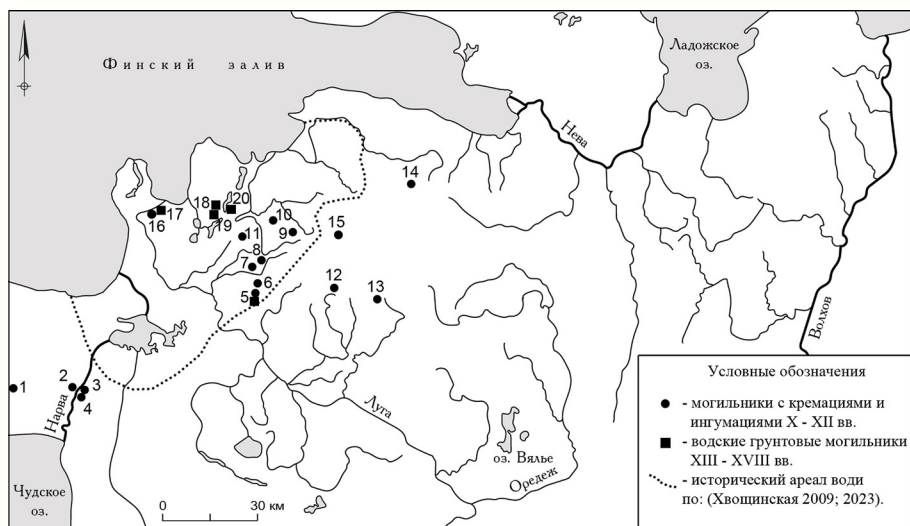

Рис. 1. Погребальные памятники нижнего Полужья, Ижорского плато и Принаровья X–XVIII вв., отождествляемые с культурой води и чуди (эстов): 1 — Ёбуга; 2 — Кунингакуля; 3 — Ольгин Крест; 4 — Скарятина Гора; 5 — Мануйлово 1 и 2; 6 — Ополье; 7 — Малли; 8 — Валья; 9 — Ратчино; 10 — Удосолово; 11 — Войносолово; 12 — Вруда; 13 — Озертицы; 14 — Дятлицы; 15 — Бегуницы; 16 — Межники

Fig. 1. Burial monuments from the 10th–18th centuries of the lower Luga region, the Izhora plateau and the Narva river, identified with the Vodi and Chudi (Est) cultures. 1 — Jõuga; 2 — Kuningaküla; 3 — Olgin Krest; 4 — Skariatin Mountain; 5 — Manuilovo-1 and Manuilovo-2; 6 — Opolie; 7 — Malli; 8 — Valja; 9 — Ratchino; 10 — Udosolovo; 11 — Voinosolovo; 12 — Vruda; 13 — Ozertitsy; 14 — Diatlitsy; 15 — Begunitsy; 16 — Mezhniki

О. И. Конькова, посвятившая много лет изучению традиционной культуры води и ижоры, отчасти приняла выводы Н. В. Хвоцинской. Курганы Ижорского плато она также считала древнерусскими, а гипотезу о широком расселении древней води — ошибочной, соглашаясь с Н. В. Хвоцинской в том, что «само название позднего административного образования “Водская пятина” довлело над исследователями как своего рода указание на район, заселенный водью» (Конькова 2009: 32). Не отвергая при этом основанное на лингвистических данных представление о делении води в древности на три племени, она существенно ограничивает их ареал, отмечая, что область расселения восточной води были окрестности Копорья на территории Каргальского погоста, западное племя населяло Толдожский, западные части Опольского и Ратчинского погостов. Основная территория Ижорского плато, таким образом, оказывается исключенной из древневодского ареала. При этом исследовательница расходится с Н. В. Хвоцинской во взглядах на южную водь, допуская ее историческую реальность в восточном Причудье (Конькова 2001).

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всех археологов, обращавшихся к поиску древностей води, неизменно смущало отсутствие памятников древнее рубежа XI–XII вв. на Ижорском плато. Итогом стало сформировавшееся представление о нем как о зоне исключительно позднего освоения. На археологической карте I — начала II тыс. н. э. явно выделялась зона пустоты, охватывавшая территорию к югу от Финского залива между Нарвой и Волховом. С запада она была ограничена ареалом каменных могильников, с юга — ареалом культуры псковских длинных курганов, с востока — сопками Поволховья и далее курганами юго-восточного Приладожья.

Современный этап изучения наступает после 2009 г., когда это белое пятно начало интенсивно заполняться новыми находками. К настоящему моменту в этнографической области води обнаруживается горизонт могильников с сожжениями X–XI вв., непосредственно предшествующий появлению древнерусских курганов (рис. 1), а также пласт более ранней культуры первой половины — середины I тыс., представленный каменными могильниками. Помимо компонентов общебалтийского или общего североевропейского происхождения, в них найдены предметы, имеющие более узкую региональную привязку. Значительная часть украшений находит массовые аналогии на территории Эстонии. Есть изделия, происходящие с территории Карелии или Финляндии. Примечательно полное отсутствие импульсов из ареала сопок и длинных курганов.

На Ижорском плато не позднее рубежа XI–XII вв. на этих могильниках (Ратчино, Малли, Озертицы и, вероятно, Ополье, Вруда и Дятлицы) фиксируется переход от грунтовых кремаций к трупоположениям под курганами. Среди известных опорных памятников Северо-Запада наиболее близкими к ним оказываются могильники северного и восточного Причудья: Залахтовье, Йыуга и др. Их общие черты прослеживаются на уровне погребального обряда и материальной культуры. Глядя на карту распространения памятников этого горизонта в X–XI вв., легко увидеть те же области их концентрации, что и на картах «водских» могильников В. В. Седова — Х. Моора: они охватывают северо-восточное Причудье и Принаровье, Нижнее Полужье и Ижорское плато и, как кажется, подтверждают правоту сторонников гипотезы «большой води».

Правомерно ли считать весь этот массив памятников древневодским и тем более выводить из него три гипотетических племени? Для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь выяснить, как связан горизонт могильников типа Залахтовье — Ратчино X–XIII вв. с достоверно

водскими могильниками XIII–XVIII вв. типа Валговицы, Вердия и Великино⁴. В материальной культуре этих групп древностей есть как общие черты, так и различия, которые, впрочем, могут иметь чисто хронологический характер. Для выяснения связи оставившего их населения мы использовали методы молекулярной генетики. По данным генотипирования Y-хромосомы, у пятерых из шести исследованных индивидов мужского пола из могильников Ратчино и Великино выявлена общая гаплогруппа N1a1(M46). На филогенетической сети с привлечением 250 гаплотипов древних и современных индивидов — носителей данной гаплогруппы образцы из Великино и Ратчино образуют кластер, объединяющий их с современными финнами, эстонцами, карелами, вепсами и саамами. Генетическая датировка гаплотипа-основателя (предполагаемого общего предка в данном кластере) приходится на период 1100 +/-400 лет назад, а с учетом археологической корректировки дат по древнейшим образцам — на период не ранее VI в. и не позднее начала XII в. н. э. Население, оставившее «классические» древнерусские курганы, относится к иным генетическим линиям: в могильниках Тegliцы и Лашковицы зафиксированы Y-хромосомные гаплогруппы R1a и E1b, причем первые образуют единый кластер с населением Твери, Москвы и Ярославля XIII–XIV вв. (Мустафин и др. 2021).

Итак, памятники X–XII вв. типа Ратчино и XIII–XVII вв. типа Валговицы оставлены генетически близкими группами населения. Необходимо признать правоту Е. А. Рябинина, включавшего Ижорское плато в ядро древневодской племенной территории. Безотносительно к тому, именовали или нет себя водью эти люди, называл ли их водью или чудью новгородский летописец XIII в., несомненно их участие в формировании водской народности. Отнесение горизонта древностей типа Ратчино к предкам води снимает вопрос о том, кем были «вожане» Новгородской Первой летописи из рассказа 1069 г. Но эстонский компонент материальной культуры в этих древностях является устойчиво преобладающим. И вот уже на новом уровне мы возвращаемся к сомнениям, терзавшим более ста лет назад А. А. Спицына: как различить древности чуди (эстов) и води.

Этот вопрос особенно важен в связи с дискуссией о южной води. Признание всего этого горизонта памятников, включая могильники залахтовского облика в Северо-Восточном Причудье, водскими требует

⁴ В последние годы этот список пополнен грунтовыми могильниками Краколье (обследован К. В. Шмелевым в 2011 г.), Мануйлово 2 (Стасюк, Кузнецова 2013) и находкой женского костюма води XVII в. под Кингисеппом — так называемый клад Кригера 2009 г., в состав которого входят многобусинные височные кольца, фрагменты головного убора, пояса, расшитый металлическими украшениями передник и ряд других предметов. Этот уникальный по сохранности комплекс заполняет лакуну в материалах между археологическим и этнографическим этапами развития водской материальной культуры (Хвоцинская 2023: 213).

принять и историческую реальность южного водского племени в окрестностях Гдова, которое Н. В. Хвощинская аргументированно объявила историографическим мифом, а Залахтовье определяла как некрополь эстов (Хвощинская 2004). В отличие от Ижорского плато, нижнего Полужья и Принаровья, не обнаруживается ни письменных, ни этнографических данных о проживании там воды, а топонимические данные неоднозначны. Курганно-жальничные могильники в Тартумаа и Ида-Вирумаа, иногда считающиеся в эстонской историографии водскими (Ligi, Valk 1993), относятся к развитому Средневековью и содержат все характерные элементы уже сформированной смешанной областной культуры северо-запада Новгородской земли, в которой выделить какое-либо этническое содержание затруднительно. Они вполне могут принадлежать переселенцам из Водской земли, но оснований считать их именно водскими недостаточно. Не случайно Ю. Селиранд (1966) назвал их «водско-славянскими», а позднее это определение было поддержано многими эстонскими археологами (Mäesalu, Valk 2006: 148; Lillak 2023).

Нужно признать, что в культурном пространстве восточной части Финского залива далеко не всегда можно убедительно связать археологические реалии с этническими. Прямолинейный подход к «этнической атрибуции» археологических древностей подвергался критике еще в начале XX в. и все чаще критикуется сейчас. Это обусловлено не только распространением конструктивистских взглядов на природу этничности, но и обоснованными сомнениями в способности археологического источника — сугубо материального — нести считываемую информацию о такой социально-психологической категории, как этнос, и осознанием того, что при изучении возникновения народа на вопросы о происхождении языка, материальной культуры, этнического самосознания и биологической популяции необходимо отвечать раздельно (Клейн 2013: 281).

По наблюдениям этнографов конца XIX — начала XX в. вода, ижора, карелы, ингерманландские финны, эстонцы не составляли монолитных общностей. Реальная картина межэтнического взаимодействия — это картина контактов, сотрудничества и конфликтов в первую очередь между соседними общинами, волостями или их частями (Михайлова 2021: 174). Размытость и изменчивость этноязыковых границ в пространстве и времени, смещение и взаимный перенос экзо- и эндоэтнонимов в среде смешанных, близкородственных групп потомков воды, ижоры, эстонцев, ингерманландских финнов на западе Ленинградской области фиксируются и современными исследователями (Крюков 2007, 2010). Е. Р. Михайлова указывает:

[В древности] понимание «этнического», судя по всему, принципиально отличалось от современного... Археологи, имея дело с фрагментами материальной культуры, комбинируют памятники и комплексы с позиций внешнего наблюдателя. Выявленные культурные традиции удается так

или иначе увязать с принадлежностью древнего населения к той или иной языковой семье, однако проследить историю возникновения и развития *этносов*, появления и смены значений этнонимов, восстановить те конкретные культурные границы, которыми определяла себя именно *этническая*, а не локальная, религиозная, политическая или иная общность, археологическими средствами вряд ли возможно (Михайлова 2021: 182).

Это замечание справедливо в отношении северо-восточных эстов и води, древности которых до формирования могильников типа Валговицы — Великино в XIII в. фактически неразличимы. М. Арукаск верно заметил, что «по сути води — это и есть эстонцы, которые примерно с XIII века жили в российском культурном пространстве, по ту сторону Наровы» (Люттер 2023). Впрочем, и понятие «эстонцы» для периода раннего и развитого Средневековья стоит рассматривать как собирательный термин, обозначающий не единый народ, а совокупность родственных, но зачастую враждующих территориально-племенных группировок (примером прекрасной литературно-художественной реконструкции их взаимоотношений в XIII в. является роман Майта Метсанурка «На реке Юмере»).

Археологические материалы демонстрируют картину не разрозненного существования в I — начале II тыс. н. э. дискретных разноэтнических групп в разных «уголках» региона Финского залива, но тесно связанного и во многом единого культурного пространства, для которого залив, Ладожское и Чудское озера и реки их бассейнов был и не разделяющим, а объединяющим фактором, главными магистралями. Разные территориальные общности в регионе, несомненно, обладали этнографической и языковой спецификой, но связи между ними были, по всей видимости, постоянными и разноплановыми и включали обмен как предметами (торговля, военная добыча, дары, приданое), так и культурным и генетическим материалом (брачные связи, плен). В этой ситуации сохранение этнической гомогенности территориальных групп населения представляется невозможным.

Этнической консолидации и обособлению могло способствовать распространение на эту территорию юрисдикции средневековых государств — Древней Руси, Ливонии, Швеции. Однако их границы вплоть до Нового времени не были строго делимитированы и не являлись непреодолимым препятствием для поддержания традиционных контактов. Более весомым мог стать конфессиональный фактор, однако его значение становится ощутимым не ранее середины — второй половины XIII в., а в среде сельского населения, видимо, еще позднее. Водь в этом контексте следует рассматривать как одну из многих близких по языку и культуре групп протоэстонского населения, в силу историко-политических причин обособленную и не консолидировавшуюся с остальными в составе эстонской нации Нового времени. В этом смысле история обособления води может быть сопоставлена с историей другой специфической эстонской этнографической группы православного

населения — сету. Следует согласиться с мнением А. Селарта относительно Нарвского рубежа: «Здесь именно политическая граница на протяжении времени сформировала этническую, культурную и религиозную границы, а не наоборот» (Селарт 2009: 529).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1873. 269 с.

Кеппен П. И. Водь и Водская пятина // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. LXX. Отд. II. С. 41–67, 100–146.

Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: Императорская Академия наук, 1861. 510 с.

Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2013. 528 с.

Кольчатов В. А. Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 167–176.

Конькова О. И. Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 188–231.

Конькова О. И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.

Крюков А. В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 320–322.

Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада. В. Новгород: Новгородский государственный университет, 2010. С. 175–197.

Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 232 с.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1819. 397 с.

Лесман Ю. М. Многобусинные височные кольца // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород: НГОМЗ, 1990. Вып. 3. С. 99–101.

Лиги П. Водский этнический элемент на территории Эстонии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 17 с.

Лиги П. К вопросу о водских погребальных памятниках X–XV вв. на территории Эстонии // Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992. С. 151–158.

Люттер С. Духи воды, летающие ящеры и заклинания — что мы знаем о мифологии воды. Интервью с доцентом Тартуского университета Мадисом Арукаском, 17.04.2023 // Интернет-ресурс «Nauka.err.ee». URL: <https://nauka.err.ee/1608959519/duhi-vody-letajuwie-jawery-i-zaklinanija-chto-my-znaem-o-mifologii-vodi> (дата обращения: 15.05.2023).

Михайлова Е. Р. Из истории изучения славяно-финских отношений в Ингерманландии и в Водской земле // Финно-угорские древности второй половины I — начала II тысячелетия н. э. М.: ИА РАН, 2021. С. 172–185.

Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин: Eesti Raamat, 1965. С. 63–85.

Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Стасюк И. В. Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода // *Stratum Plus*. 2021. № 5. С. 397–410.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. СПб.: Императорская Академия наук, 1853. 415 с.

Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1982. Вып. 1 (11). С. 43–66.

Павлова М. С. «Сидячие» погребения Ижорского плато // *Stratum Plus*. 2012. № 5. С. 221–227.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Рерих Н. К. Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С.-Петербургской губернии // Вестник Археологического института. СПб., 1900. Вып. XIII. С. 102–114.

Рябинин Е. А. Этнокультурная ситуация на северо-западе РСФСР в эпоху средневековья (проблема археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига: Зинатне, 1990. С. 183–215.

Рябинин Е. А. Чудь Водской пятины // Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992. С. 143–151.

Рябинин Е. А. К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб.: Российский этнографический музей, 1994. С. 23–29.

Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.

Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.

Рябинин Е. А. У истоков этнической истории води // Прекрасное ведет нас через все мосты: сборник статей, посвящ. русско-эстонским культурным связям. Извара: Музей-усадьба Н. К. Рериха, 2004. С. 18–29.

Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения института этнографии. М., 1952. Вып. XV. С. 72–85.

Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. М., 1953. Вып. XVIII. С. 190–233.

Седов В. В. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 155–161.

Седов В. В. Водь // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1987. С. 34–42.

Селарт А. Водь в западноевропейских источниках XIII–XIV века // *Stratum Plus*. 2009. № 5. С. 529–538.

Селиранд Ю. Я. Могильные памятники XI–XIII вв. в материковой Эстонии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1966. 35 с.

Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Материалы по археологии России № 20. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1896. 144 с.

Спицын А. А. Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ д. Мануйловой, Ямбургского у. // Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб., 1905. Т. VII. Вып. 1. С. 139–142.

- Стасюк И. В., Кузнецова В. Н.* Новый памятник средневековой воды // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков: ИА РАН, 2013. Вып. 28. С. 358–363.
- Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 156 с.
- Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Хвоцинская Н. В.* Племя воль и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и Средневековая Русь. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 300–312.
- Хвоцинская Н. В.* Этногенез и историческая судьба воды // Археологические вести. Вып. 39. СПб., 2023. С. 204–219.
- Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. III. L'Age Du Fer. Antiquités Morduines, Mériennes et Tschoudes. Helsingfors: G. W. Edlund, 1878. 242 s.
- Fewster D.* Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. 555 p. (Studia Fennica Historica, 11).
- Konsa M.* Estonian archaeology from 1991–2005 // Archaeological research in Estonia 1865–2005. Tartu: Tartu University Press, 2006. Estonian Archaeology. Vol. 1. P. 41–42.
- Ligi P.* Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Muinasaja teadus 2. Tallinn, 1993. S. 7–175.
- Ligi P.* Ühiskondlikest oludest Eesti alal hilispronksi ja rauaajal // Muinasaja teadus 3. Tallinn, 1995. S. 182–270.
- Ligi P., Valk H.* Vadjapärased kalmistud Tartumaal (11.–15. sajand) // Muinasaja teadus 2. Tallinn, 1993. S. 176–214.
- Lillak A.* Vadjalaste lugu Eestis // Интернет-блог Эстонского национального музея «Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb». URL: <https://blog.erm.ee/?p=16359> (дата обращения: 25.05.2023).
- Mäesalu A., Valk H.* Research into the Late Iron Age // Archaeological research in Estonia 1865–2005. Tartu: Tartu University Press, 2006. Estonian Archaeology. Vol. 1. P. 127–158.
- Moora H.* Wotische Altertümer aus Estland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1929. Vol. IV. S. 272–283.
- Õpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn: Valgus, 1970. 208 s.
- Sjögren A. M.* Über die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie den Wissenschaften, 1833. 121 S.
- Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1928. Vol. III. S. 3–24.
- Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1938. Vol. XII. S. 79–108.
- Trefurt Fr. L.* Von den Tschuden // Versuche in der livlandischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. Riga, 1783. I Band, 5 Stück. S. 1–28.
- Trefurt Fr. L.* Fortgesetzte Nachtricht von den Tschuden // Versuche in der livlandischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit. Riga, 1785. II Band, 2 Stück. S. 89–122.

REFERENCES

Fewster D. *Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. (Studia Fennica Historica, 11). (In English).

Khvoshchinskaia N. V. [Ethnogenesis and the historical fate of the Vod']. *Arkheologicheskije vesti* [Archaeological news], 2023, vol. 39, pp. 204–219. (In Russian).

Khvoshchinskaia N. V. [The Vod' tribe and its culture as part of the Novgorod land]. *Velikij Novgorod i Srednevekovaia Rus'* [Novgorod the Great and Medieval Rus']. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009, pp. 300–312. (In Russian).

Khvoshchinskaia N. V. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli* [Finns in the west of the Novgorod land]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2004. (In Russian).

Klein L. S. *Etnogenez i arkhologiiia . Vol. 1. Teoreticheskie issledovaniia*. [Ethnogenesis and Archaeology. Vol. 1. Theoretical researches]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2013. (In Russian).

Kol'chatov V. A. [The temple rings of the Vodskaya land]. *Novoe v arkhologii USSR i Finliandii* [New in the archaeology of USSR and Finland]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 167–176. (In Russian).

Kon'kova O. I. [Ingrian historical and cultural zone in the light of data from the humanities]. *Ocherki istoricheskoi geografii. Severo-Zapad Rossii. Slaviane i finny* [Essays on historical geography. Northwest Russia. Slavs and Finns]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing, 2001, pp. 188–231. (In Russian).

Kon'kova O. I. *Vod'. Ocherki istorii i kul'tury* [Vadja. Essays on history and culture]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2009. (In Russian).

Konsa M. *Estonian archaeology from 1991–2005. Archaeological research in Estonia 1865–2005*. Tartu: Tartu University Press, 2006. *Estonian Archaeology*, vol. 1, pp. 41–42. (In English).

Kriukov A. V. [On the ethnic identity of the Ingrian Finns and Izhors]. *Finno-ugorskie narody Rossii: problemy istorii i kul'tury* [Finno-Ugric peoples of Russia: problems of history and culture]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2007, pp. 320–322. (In Russian).

Kriukov A. V. [Vod' ili chud'?). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura russkogo Severo-Zapada* [Language and traditional culture of the Russian Northwest]. Velikij Novgorod: Novgorodskij Gosudarstvennyj universitet Publ., 2010, pp. 175–197. (In Russian).

Lebedev G. S. *Arkheologicheskie pamiatniki Leningradskoi oblasti* [Archaeological sites of the Leningrad region]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1977. (In Russian).

Lesman Yu. M. [Multi-bead temple rings]. *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istorii i arkhologiiia* [Novgorod and Novgorod land history and archeology]. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyi ob'edinennyi muzei-zapovednik Publ., 1990, vol. 3, pp. 99–101. (In Russian).

Ligi P. [On the issue of Vod' burial sites of the 10th–15th centuries. on the territory of Estonia]. *Drevnosti slavian i finno-ugrov* [Antiquities of the Slavs and Finno-Ugric peoples]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992, pp. 151–158. (In Russian).

Ligi P. Ühiskondlikest oludest Eesti alal hilispronksi ja rauaajal. *Muinasaja teadus* 3. Tallinn, 1995. Pp. 182–270. (In Estonian).

Ligi P. Vadjäpärased kalmed Kırde-Eestis (9.–16. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 1993. S. 7–175. (In Estonian).

Ligi P. *Vodskij etnicheskij element na territorii Estonii*. PhD diss. abstract, Leningrad department of the Institute of Archaeology, 1987. (In Russian).

Ligi P., Valk H. Vadjäpärased kalmistud Tartumaal (11.–15. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 1993. S. 176–214. (In Estonian).

Lillak A. Vadjalaste lugu Eestis. 2023. *Eesti Rahva Muuseumi ajaveeb*. Available at: <https://blog.erm.ee/?p=16359> (accessed: 25.05.2023). (In Estonian).

Lutter S. [Water spirits, flying lizards and spells — what do we know about Votian mythology]. *Nauka.err.ee*. Available at: <https://nauka.err.ee/1608959519/duhi-vody-letajuwie-jawery-i-zaklinanija-cto-my-znaem-o-mifologii-vodi> (accessed: 15.05.2023) (In Russian).

Mäesalu A., Valk H. *Research into the Late Iron Age. Archaeological research in Estonia 1865–2005*. Tartu: Tartu University Press, 2006. Estonian Archaeology, vol. 1, pp. 127–158. (In English).

Mikhailova E. R. [From the history of the study of Slavic-Finnish relations in Ingermanland and Vodskaya land]. *Finno-ugorskie drevnosti vtoroj poloviny I — nachala 2 tysiacheletia n. e.* [Finno-Ugric antiquities of the second half of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD]. Moscow: IA, RAS Publ., 2021, pp. 172–185. (In Russian).

Moora H. *Wotische Altertümer aus Estland. Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1929, vol. IV, S. 272–283. (In German)

Moora H. A., Moora A. H. [From the ethnic history of Vod' and Izhora]. *Iz istorii slaviano-pribaltijskofinskikh otnoshenij* [From the history of Slavic-Baltic-Finnish relations]. Tallinn: Eesti Raamat Publ., 1965, pp. 63–85. (In Russian).

Mustafin Kh. Kh., Alborova I. E., Stasyuk I. V. [Medieval Gene Pool of the Vod' Land of Novgorod the Great]. *Stratum Plus*, 2021, no. 5, pp. 397–410. (In Russian).

Nosov E. N. [Problems of studying the burial sites of Novgorod land (to the question of Slavic settlement)]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod historical collection]. Leningrad: Nauka Publ., 1982, vol. 1 (11), pp. 43–66. (In Russian).

Õpik E. *Vadjalastest ja isuritest 18 saj. lopul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses*. Tallinn: Valgus, 1970. (In Estonian).

Pavlova M. S. [“Sitting” burials of Izhora Highland]. *Stratum Plus*, 2012, no. 5, pp. 221–227. (In Russian).

Platonova N. I. *Istoriia arkhelogicheskoy mysli v Rossii* [History of archaeological thought in Russia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. (In Russian).

Riabinin E. A. [At the origins of the ethnic history of the Vod']. *Prekrasnoe vedet nas cherez vse mosty. Sbornik statej, posviashchennyj russko-estonskim kul'turnym sviaziam* [Beauty leads us across all bridges. Collection of articles dedicated to Russian-Estonian cultural relations]. Izvara: Muzej-usad'ba N. K. Rerikha Publ., 2004, pp. 18–29. (In Russian).

Riabinin E. A. [Chud' of the Vodskaya Pyatina]. *Drevnosti slavian i finno-ugrov* [Antiquities of the Slavs and Finno-Ugric peoples]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1992, pp. 143–151. (In Russian).

Riabinin E. A. [Ethnocultural Situation in the North-West of the RSFSR in the Middle Ages (Problem of Archaeological Study)]. *Balty, slaviane, pribaltijskie finny. Etnogeneticheskie protsessy* [Balts, Slavs, Baltic Finns. Ethnogenetic processes]. Riga: Zinātne Publ., 1990, pp. 183–215. (In Russian).

Riabinin E. A. [To the problem of the ethnogenesis of the Vod']. *Problemy etnicheskoy istorii i mezhetnicheskikh kontaktov pribaltijsko-finskikh narodov* [Problems of ethnic history and interethnic contacts of the Baltic-Finnish peoples]. St. Petersburg: Rossijskij étnograficheskij muzej Publ., 1994, pp. 23–29. (In Russian).

Riabinin E. A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi* [Finno-Ugric tribes in Ancient Rus']. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing, 1997. 260 p. (In Russian).

Riabinin E. A. *Vodskaja zemlja Velikogo Novgoroda* [The Vodskaya land of Novgorod the Great]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 2001. (In Russian).

Sedov V. V. [Anthropological types of the population of the northwestern lands of Novgorod the Great]. *Kratkie soobshcheniia instituta etnografii* [Brief Communications of the Institute of Ethnography], 1952, vol. 15, pp. 72–85. (In Russian).

Sedov V. V. [Ethnic composition of the population of the northwestern lands of Veliky Novgorod (9th–14th centuries)]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet archeology], 1953, vol. 18, pp. 190–233. (In Russian).

Sedov V. V. [The Vod’]. *Arkheologiya USSR. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ia* [Archeology of the USSR. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 34–42. (In Russian).

Sedov V. V. [The Vod’]. *Novoe v arkheologii USSR i Finliandii* [New in the archeology of the USSR and Finland]. Leningrad: Nauka Publ., 1984, pp. 155–161. (In Russian).

Selart A. [Votians in the Western European Sources of the 13th–14th centuries]. *Stratum Plus*, 2009, no. 5, pp. 529–538. (In Russian).

Selirand J. *Mogil'nye pamiatniki 11–13 vekov v materikovej Estonii*. PhD diss. abstract, Institute of History of the Estonian Academy of Sciences, 1966. (In Russian).

Stasiuk I. V., Kuznetsova V. N. [New archaeological site of medieval Vod’]. *Arkheologiya i istoriia Pskova i Pskovskoj zemli* [Archeology and history of Pskov and the Pskov land]. Moscow; Pskov: IA RAS Publ., 2013, vol. 28, pp. 358–363. (In Russian).

Tallgren A. M. Les provinces culturelles finnoises de l’âge récent de fer dans la Russie du nord. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1928, vol. 3, S. 3–24. (In French).

Tallgren A. M. The Prehistory of Ingria. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1938, vol. 1, S. 79–108. (In English).

Tret'iakov P. N. *U istokov drevnerusskoj narodnosti* [At the origins of the ancient Russian people]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. (In Russian).

Submitted: 25.05.2023

Accepted: 20.06.2023

Article published: 01.10.2023